

Велев принести кресло, Хан Сиэнь устроился прямо перед дверями кабинета Ли Чжуна. Он лениво грелся на солнышке, наблюдая за обыском, и вся его непринужденная поза дышала покоем. Однако мертвенная бледность и резкие черты его лица лишали этот покой всякого дружелюбия, навевая на окружающих безотчётный страх.

Госпожа Ли сидела неподалеку, провожая происходящее ледяным взглядом. Гвардейцы под началом Гао Фэна перерывали кабинет вершок за вершком. Зная, что за книжными шкафами часто обустраивают тайники, они бесцеремонно сбрасывали фолианты на пол. Сам Гао Фэн лично и крайне дотошно ощупывал каждую деревянную панель и резную деталь.

Вскоре вернулся отряд, отправленный обыскивать покои Ли Юя. Гвардейцы притащили с собой всю его личную прислугу. Шедший впереди офицер, держа в руках увесистую пачку ассигнаций, почтительно протянул их Хан Сиэню:

— Молодого господина Ли дома не оказалось. Служанки говорят, ушел еще на рассвете, по всему виду — в Павильон Десяти Тысяч Цветов. Я уже отправил туда людей, скоро его доставят.

Хан Сиэнь лишь коротко кивнул в знак того, что принял к сведению.

О том, что Ли Юй — заядлый игрок, кутила и завсегдатай весёлых кварталов, в доме знали все. Единственной, кого держали в неведении, оставалась его супруга, уездная княжна Ши Жуй. Сам Ли Юй считал её любовь проклятием всей своей жизни. Но деваться было некуда: капризная девица пользовалась благосклонностью при дворе, перечить её семье Ли не смели, а потому приходилось носить её на руках. Но всякий раз, глядя на заплывшее жиром лицо жены, где едва угадывались черты, и на её грузную, бесформенную фигуру, Ли Юй едва сдерживал тошноту. Ради благополучия рода он соглашался разыгрывать роль любящего мужа, но требовать от него супружеской верности было выше человеческих сил.

Госпожа Ли тоже всем сердцем жалела сына, искренне полагая, что тот приносит себя в жертву, а потому сквозь пальцы смотрела на его бесконечные похождения, потакая любым прихотям.

К тому же Ли Юй был смазлив. Он кружил голову не только законной супруге, но и молоденьким служанкам из её свиты, чьи сердца истомились в ожидании любви. Стоило ему шепнуть пару ласковых слов, сокрушенно вздохнуть о своей несчастной доле рядом с нелюбимой женой и одарить очередную дурнушку взглядом, обещающим золотые горы, как та без памяти влюблялась в него. Девушки, мечтавшие стать наложницами, не только охотно помогали ему обводить Ши Жуй вокруг пальца, но и при малейших подозрениях уездной княжны грудью вставали на защиту своего господина, выдумывая самые нелепые оправдания его отсутствию.

Благодаря этому Ли Юй горя не знал и жил в свое удовольствие. Только взбалмошная и глупая Ши Жуй, привыкшая судить о людях лишь по смазливой внешности, свято верила, что супруг души в ней не чаёт и хранит ей верность.

Её глупость воистину не знала границ. Ли Юй отдавал ей часть полученных взяток на мелкие расходы, и глупышка, принимая грязные деньги за дань чистой любви, тратила их направо и налево, не задавая лишних вопросов.

Хан Сиэнь небрежно пересчитал изъятые ассигнации — каждая достоинством в тысячу ланов серебром. Всего в его руках оказалось около сорока тысяч. Он перехватил пачку поудобнее и принялся негромко похлопывать ею по ладони, с вежливой улыбкой глядя на госпожу Ли. Этот тихий, размеренный шорох бумаги на фоне грохота переворачиваемой мебели и треска ломающихся ящиков странным образом приковывал к себе всё внимание, заставляя нервы присутствующих натянуться до предела.

Госпожа Ли презрительно усмехнулась, высокомерно вздернув подбородок:

— Неужели наследник Хан полагает, будто благородная семья Ли не в состоянии выделить собственному сыну столь ничтожную сумму на карманные расходы?

Хан Сиэнь негромко рассмеялся, его голос так и лучился дружелюбием:

— О, что вы, ни в коем случае. Род вашей матушки славился богатством, одно только приданое госпожи Ли, верно, превышало сто тысяч ланов. К тому же за эти годы ваша семья обзавелась доходными лавками, угодьями и поместьями. Подобные крохи для вас и впрямь пыль под ногами.

Однако лесть не усыпила бдительность госпожи Ли. В высшем свете о наследнике Герцогского поместья впервые заговорили после дикой расправы, которую он устроил прямо во время празднования юбилея собственной бабки. Благородные дамы тогда лишь брезгливо кривили губы: по их мнению, обделенный вниманием юнец просто разыграл неуклюжий спектакль, чтобы заявить о себе. Хотя правда и была на его стороне, действовал он слишком грубо и беспощадно, окончательно сгубив собственную репутацию. Позже он закрепил за собой славу глупца, устроив пьяный дебош на торжестве в честь вдовствующей императрицы. Большинство вельмож считали его безрассудным дураком, у которого в голове свистит ветер. Госпожа Ли никак не ожидала, что именно этого безумца государь отправит расследовать дело её мужа. И уж тем более она не предполагала, что Хан Сиэнь окажется настолько наглым, не признающим никаких приличий и законов.

Пока она предавалась безрадостным мыслям, Хан Сиэнь неторопливо продолжил:

— И все же устои вашего дома поистине уникальны. Мало кто в столице способен столь щедро одаривать сыновей десятками тысяч ланов за раз. Ваша материнская любовь не знает границ, госпожа Ли, я могу лишь искренне позавидовать вашему отпрыску.

Говорил он мягко, почти ласково, но у госпожи Ли от этого тона мороз пошел по коже — в каждом слове юноши ей чудился ядовитый сарказм.

Едва сдерживая гневный вздох, она постаралась сохранить лицо и сухо ответила:

— Три поколения назад предки моей семьи еще не принадлежали к числу ученых мужей. У нас нет глубоких корней и вековых традиций, поэтому мы не всегда следуем строгим правилам высшего света. Куда нам до Поместья герцога Ханя, чьи мужи испокон веков служили короне, владея титулом, наследуемым без понижения ранга. Вы, наследник Хан, выросли в роскоши и пресыщены редкими диковинками, так что подобные гроши наверняка не стоят вашего внимания.

Хан Сиэню и в голову не пришло защищать доброе имя своего отца, герцога Ханя. Как только госпожа Ли замолчала, он со вздохом покачал головой:

— Вы слишком хорошего мнения о моем детстве, госпожа Ли. Из-за слабого здоровья я долгие годы был прикован к постели и никаких редких диковин в глаза не видел. Что же касается сорока тысяч ланов... О, я не просто обратил на них внимание, они ранили меня в самое сердце! До недавних пор мое карманное содержание составляло всего пару ланов в месяц, и лишь благодаря милости императора я разжился первой тысячей. Куда мне до размаха вашего сына!

Госпожа Ли только рот приоткрыла от удивления, так и не найдя, что возразить на столь постыдное для Поместья герцога Ханя признание.

В этот момент из кабинета Ли Чжуна вышел Гао Фэн во главе отряда гвардейцев.

— Наследник, — доложил он, качнув головой, — ничего подозрительного не обнаружено.

Госпожа Ли облегченно вздохнула, и её лицо мгновенно приняло надменное выражение:

— Наследник Хан, вы пренебрегли волей государя и учинили незаконный обыск в моем доме, проявив вопиющее непочтение к престолу. Теперь, когда ваши обвинения рассыпались в прах, не желаете ли объясниться перед семьей Ли?

Проигнорировав её выпад, Хан Сиэнь молча поднялся с кресла и, шурша полами тяжелого халата, вошел в разгромленный кабинет. Гао Фэн последовал за ним. Вещей здесь было немного, но сейчас все они валялись под ногами: обломки кистей, разлитая тушь, разорванные свитки каллиграфии и осколки некогда дорогих ваз преграждали путь. Тревога вновь шевельнулась в груди госпожи Ли, и она поспешила следом за юношей.

"Пусть ищет, — успокаивала она себя. — Тайник мужа заперт на самый сложный замок. Без знания секрета открыть его невозможно, а эту тайну хранят лишь члены нашей семьи".

Но стоило ей укрепиться в своей уверенности, как расхаживающий по комнате Хан Сиэнь оступился, задев носком сапога укатившуюся пиалу. Теряя равновесие, он налетел на угол

тяжелого письменного стола, судорожно рванулся в сторону, пытаясь удержаться на ногах, и по инерции тяжело повалился прямо на книжный шкаф.

Чтобы смягчить удар, он инстинктивно выставил руки перед собой: правая ладонь уперлась ровно в центр деревянной панели, а левая легла чуть ниже и левее.

Госпожа Ли застыла, у неё перехватило дыхание. Все произошло вопреки законам здравого смысла: прямо на глазах у ошеломленной стражи резные плашки под ладонями юноши с сухим щелчком ушли вглубь панели.

Слегка растерявшись, Хан Сиэнь отнял ладони и отступил на пару шагов. Шкаф со скрежетом содрогнулся, раздался щелчок скрытых пружин, и тяжелая конструкция медленно разъехалась в стороны, открывая темный зев потайного хода.

Юноша с живым любопытством уставился на открывшийся проход. Гао Фэн тут же шагнул вперед:

— Наследник, мы ведь простукивали эти полки! Верно, механизм устроен так, что срабатывает лишь при одновременном нажатии на обе точки. Какая невероятная удача!

Хан Сиэнь тонко улыбнулся и, скользнув взглядом по побелевшему лицу госпожи Ли, негромко произнес:

— Какое редкое совпадение. Сдается мне, правы древние: Небеса все видят, и час расплаты настигает каждого. Сколько веревочке ни виться, а концу быть.

У госпожи Ли подогнулись колени, но она из последних сил цеплялась за остатки самообладания, силясь сохранить маску равнодушия.

Отвернувшись, Хан Сиэнь пошире распахнул потайную дверь и первым шагнул в темноту. Проход оказался коротким. Стены его тускло освещали масляные светильники, а в самом конце скрывалась просторная комната. Её убранство в точности повторяло кабинет Ли Чжуна, с той лишь разницей, что здесь царил идеальный порядок. Вдоль стен выстроились тяжелые окованные сундуки, а на полу тускло поблескивала груда литой золотой утвари и слитков.

Пока гвардейцы выносили сокровища, Хан Сиэнь неторопливо осматривал тайное прибежище. Заметив, что один из настенных свитков висит криво, он приподнял его и обнаружил скрытую в каменной кладке нишу. Внутри лежала небольшая стопка писем.

Юноша развернул верхнее и пробежал глазами по строчкам. Судя по содержанию, Ли Чжун вел тайную переписку с кем-то из сыновей императора. Впрочем, опальный чиновник проявил осторожность: ни имен, ни прямых указаний на заговорщические замыслы в посланиях не содержалось.

Спрятав письма в рукав, Хан Сиэнь покинул тайную комнату и подошел к бледной как смерть хозяйке дома.

— Боюсь, сударыня, вам придется ненадолго сменить обстановку, — вежливо улыбнулся он. — Стража, увести госпожу Ли.

\*\*\*

Тем временем в императорском дворце назревала буря. Когда евнух Юань Бао и уездная княжна Ши Жуй прибыли во дворец, утреннее заседание совета еще не завершилось. Каким бы высоким ни было положение Ши Жуй, вваливаться без разрешения в тронную залу ей не позволялось, поэтому Юань Бао поспешил доложить о её прибытии лично государю.

Под сводами Зала Извивающегося Дракона разносился громовой голос монарха, распекавшего министра доходов. Появление взмыленного и насмерть перепуганного Юань Бао заставило притихших чиновников недоуменно переглянуться.

Евнух приблизился к тронному возвышению, но, поймав на себе тяжелый взгляд повелителя, онемел от страха.

— Что ты мнешься, старый дурак?! — вскипел и без того раздраженный император. — Я отправил тебя помогать Хан Сиэню! Где отчет? И где сам этот паршивец?

Поняв, что гнев государя вот-вот возрастет и обрушится на его собственную голову, Юань Бао рухнул на колени и затараторил, бясь лбом о каменные плиты:

— Ваше Величество, пощадите! Мы прибыли в Поместье Ли, дабы расследовать дело о взятках его сына Ли Юя. Но наследник Хан... он не стал ни расспрашивать свидетелей, ни собирать улики! Он едва переступил порог, как приказал гвардии перевернуть весь дом вверх дном и конфисковать имущество!

— Что?! — от неожиданности император даже подался вперед на своем троне.

Стоявший в первом ряду придворных Ли Чжун покачнулся, лицо его сделалось мертвенно-серым, и, со стоном лишившись сознания, он рухнул навзничь прямо на руки перепуганных чиновников.